

Матвеев-Вентцель
Валентин Сергеевич

8.2.02.

моск. правда. 2002. - 8 февр. - с. 4
Валентин Матвеев: Нейгауз меня благословил

В минувшем году в Российско-немецком доме на Пироговке появился новый музыкальный полифонический театр «Эльмовы огни». Хочу познакомить читателей с его создателем - Валентином Сергеевичем Матвеевым-Вентцелем, который отметил недавно 70-летие. Пянистом, композитором, кандидатом философии, исследователем.

- Музыка, литература и философия сопутствовали мне с детства, - рассказывает Валентин Сергеевич. - Один из моих дедов, Константин Николаевич Вентцель, писал философские труды. Еще до революции была издана его «Философия творческой личности» (в БСЭ о нем написано как об известном философе и педагоге). Отец мой учился в техническом институте в Германии, а до того он с братом Борисом Степановичем Матвеевым прошел курс в Московском университете у профессора-биолога Северцева. После возвращения из Германии закончил Московскую консерваторию у Елены Фабиановны Гнесиной. За три года. По семейному преданию она была влюблена в моего отца, но он уже был женат. Их связывали дружеские отношения, которые сохранялись всю жизнь. Когда я подрос, он, конечно, повел меня к Елене Фабиановне. Она сказала: надо учиться музыке.

Занимался со мной известный педагог, московский чех Густав Францевич Валашек. Давал мне уроки даже в 1942 году, когда музыкальные школы в Москве не работали. Потом я закончил Мерзляковское училище у Владимира Сергеевича Белова - ведущего педагога Московской консерватории на кафедре Нейгауза. Кстати, с Генрихом Густавовичем я был знаком с детства. Брат отца жил в здании Зоологического музея, кстати, в квартире Северцева. А соседом был профессор Габричевский, к которому Нейгауз приходил в гости, часто играл. Тогда я с ним и познакомился, и позже, когда я уже был в консерватории, он всегда мне помогал, давал советы. Я играл много новой музыки, в частности забытого талантливого и рано ушедшего из жизни композитора Серебряного века Алексея Станчинского, музыку которого я долго искал. Нейгауз меня благословил: «Я весь в Шопене и Скрябине, а ты иди своим путем, играй новое».

- А почему вы проявили интерес к современной музыке?

- Так сложилось еще во время уче-

бы. Валашек давал мне сочинения современных авторов, например Кабалевского. В 1947-м в был смотр всех музыкальных школ Москвы, и я играл сонатину профессора консерватории Аврелиана Руббаха. Поступал в консерваторию с восточной фантазией Балакирева «Исламей» (труднейшее, кстати, сочинение). Потом стал интересоваться композицией, ходил, например, на уроки молодого Родиона Щедрина, который тогда уже преподавал в консерватории. Профессорам Евгению Голубеву, Альберту Леману показывал свои сочинения. После консерватории по направлению работал преподавателем в Алма-Атинской консерватории. А потом начал сотрудничать с Московским молодежным театром пантомимы, которым руководил знаменитый мим Николай Павловский. Писал для театра музыку. Потом пошел в Росконцерт. Как пианист выступал с вокалистами Людмилой Ивановой и Владимиром Богачевым, с флейтистом Александром Корнеевым. Давал и сольные концерты. Вот тогда-то по-настоящему и увлекся исполнением новых произведений. Сыграл 290 премьер! Щедрина, Хачатуряна, Даурова, Майзеля, Каретникова, Губаидулиной... Эдисон Денисов даже подарил мне свои вариации с посвящением.

- Наверное, непросто было пробивать их музыку?

- Были сложности. Потом судьба занесла меня в Министерство культуры РСФСР членом коллегии по репертуару. Принимали новые музыкальные произведения для театров, оркестров, конкурсов. Я там занимался симфонической и камерной музыкой. Потом ушел из министерства, но чиновником еще некоторое время оставался. Принимал участие в основании Школы культуротворчества. Потом был ее директором. На ее базе возникла Академия славянской культуры, где я заведовал кафедрой. До последнего времени был доцентом Музыкально-педагогического института им. Ипполитова-Иванова. Но больше всего, конечно, люблю творчество...

- Поэтому к 70-летию вы сами себе сделали подарок? Вместе с Дианой Рубинштейн создали театр. Что означает «Эльмовы огни»?

- Название непростое, оно включает в себя музыкальный и поэтико-литературный смысл. В детстве в журнале «Юный натуралист» я прочел о таком чуде природы - Эльмовых огнях. На островах мачт в океане во время шторма, когда шторм только близился, зажигались огоньки. Иногда эти огни опускаются на цветы и заключают их в себя, подсвечивая со всех сторон. Эти детские впечатления и побудили меня назвать наше детище так поэтично. А вообще театр стал счастливым завершением многолетней исследовательской работы.

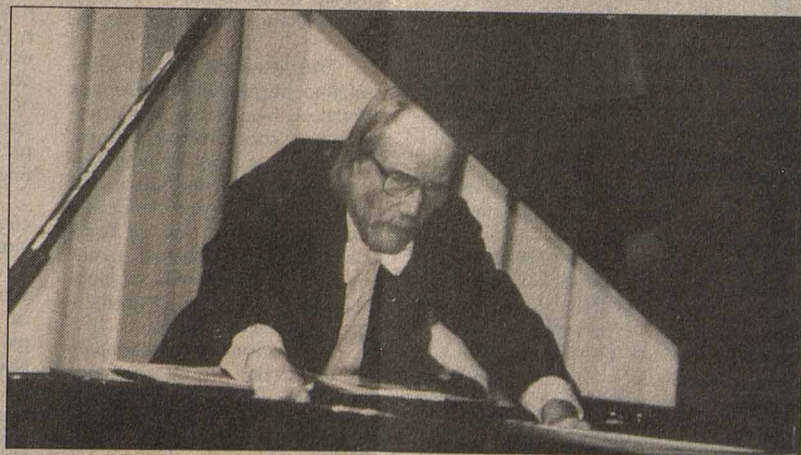
Моя супруга Диана Рубинштейн тоже музыкант и очень любит поэзию. Впервые мы выступили в Рахманиновском зале, где я играл музыку Станчинского, а она читала Державина. Почувствовал: этот синтез плодотворен. Тогда решили по-

новые музыкальные и поэтические имена. И молодые музыканты тоже пробуют свои силы у вас!

- Да, сейчас очень много талантливой молодежи - студентов консерватории, института Ипполитова-Иванова, школьников. Один из последних наших спектаклей - «Блаженство язычников» - создан на основе произведений немецкого писателя Иоганнеса Бобровского, который был в России. Там звучит музыка Бориса Майзеля, Мечислава Маковского, Георгия Минчева, Николая Каретникова, Супхана Насидзе, Алексея Мачавариани. Их редко услышишь в филармонических залах, а у нас - пожалуйста. Мы выступаем всегда с аншлагами, среди публики много наших друзей и единомышленников. Недавно я закончил новый фортепианный цикл «Зарисовки из Древней Руси», который уже скоро станет одной из составляющих нового спектакля...

- Почему вас тянет в древность?

- Это истоки нашей культуры. Меня

ставить «Письмо бессмертной возлюбленной», представив Бетховена как литературного автора. Сделали еще несколько спектаклей, объединяя самые разные жанры музыки и литературы, классики и фольклора, вокала и инструментальной музыки. В наших спектаклях звучат скрипка и флейта, валторна и кларнет, старинные гусли, даже квартет тромбонов.

- Еще и года не прошло, как возник ваш театр, а вы уже представили несколько спектаклей. И всякий раз слушатели и зрители открывают для себя

давно уже интересует все, что связано с древностью, в частности язык как памятник культуры. Я сейчас полон планов, работаю над новыми программами, и 28 февраля в Болгарском культурном центре будет премьера - «Голубоватая тень, или Локон воспоминаний» Аполлинера с музыкой Равеля и Шопена.

Ирина ШВЕДОВА.

На снимке: Валентин Матвеев-Вентцель.

Фото Дениса КАМЕНСКОГО.